

10 июня этого года исполнилось 100 лет со дня рождения Тихона Хренникова. Его юбилей широко отмечается российской музыкальной общественностью — выставки, концерты, фестивали...

Вклад Хренникова в отечественную музыкальную культуру, пожалуй, переоценить трудно. А вот недооценивают Хренникова сплошь и рядом. Как и многие выдающиеся явления советского времени, его композиторское творчество и многолетняя административная деятельность на посту Секретаря Союза композиторов СССР обросли мифами, в которых трудно отделить ложь от правды.

Назначенный на пост Секретаря СК приказом вождя, Хренников не имел выбора — согласиться или отказаться от взваленной на него нелегкой ноши. Не является тайной и тот факт, что после печально знаменитого постановления 1948 года упомянутые в нем советские композиторы не только не были подвергнуты репрессиям, но и, благодаря активному заступничеству Хренникова, продолжали получать Госпремии. Отношения с так называемыми советскими авангардистами 60-х годов складывались у него действительно непросто — авангард Хренникову был чужд, и он позволял себе высказываться об этом. Но вряд ли стоит видеть в авангардистах мучеников, пострадавших от системы: при всех нюансах, условия, в которых они существовали, для современных авторов могут показаться мечтой! Дома творчества композиторов в Рузе, Иваново, Сухуми, Сортавале, система выплаты авторских гонораров, закупка произведений за счет государства, возможность работы в кино... «Ни в одной стране мира классическая музыка не пользуется таким почитанием, как в СССР. И в этом заслуга Тихона Хренникова, который сумел оградить ее от опошления и профанации», — заметил итальянский дирижер Пьетро Ардженто в 1983 году, и был прав.

Евгений Кисин:

МУЗЫКА ХРЕННИКОВА ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНЕТСЯ К СЛУШАТЕЛЯМ

Татьяна СЛЮСАРЕНКО

Когда я готовила материал о Хренникове и беседовала о нем с разными людьми, то столкнулась с интересным феноменом: либо симпатия — либо ненависть. Спокойных, «промежуточных» оценок не было. Получилось так, что сегодня Хренников выглядит личностью противоречивой и сложной. А ведь долгое время к нему относились вполне однозначно. В советское время Хренникова воспринимали как всесильного самодержца — считались с ним на самом высо-

ком уровне, шли навстречу его просьбам, давали зеленую улицу ему и его подопечным, писали хвалебные монографии, снимали фильмы. Это был крупный функционер, плоть от плоти своей эпохи. Именно поэтому — подчиняясь партийной дисциплине — Хренников прочел на Первом съезде Союза композиторов доклад, текст которого не писал: о «заклятых формалистах» Прокофьеве, Шостаковиче, Хачатуряне, Мясковском и других. По той же причине — уже абсолютно искренне! — ставил палки в колеса композиторам-авангардистам, в том числе, Шнитке, Губайдулиной, Денисову...

Потом наступила перестройка. И Хренников — «плоть от плоти своей эпохи» — стал восприниматься резко негативно. Почему принимал ложные идеологические ценности, даже не пытаясь им противостоять? Да и можно ли считать человека серьезным композитором при отсутствии у него внутренней свободы? Что характерно, на рубеже столетий уже довольно пожилой Хренников не «уходил от ответа», спокойно и по многу раз разъясняя терзавшим его журналистам свое прошлое...

В самые последние годы жизни Хренникова, совпавшие с определенной усталостью от перестройки, два полюса в отношении к его личности стали соседствовать на равных. Плюс появилось нечто третье: стремление к объективности, знанию фактов. Вот тогда и выяснилось, что Хренников родился не просто в «семье приказчика», но что все десять детей этого приказчика получили высшее обра-

зование в Москве. Что как композитор Хренников был невероятно популярен еще до всех своих назначений. Что, находясь у руля Союза композиторов, Хренников не допустил самого страшного: репрессий и физической расправы над музыкантами (в то время как в других творческих союзах это имело место).

А после смерти Тихона Николаевича в Интернете появилась статья о нем прославленного пианиста Евгения Кисина, человека иного времени, менее всего замеченного в симпатиях к советской власти. Понятно, что в свое время Хренников принял большое участие в судьбе Кисина, и все же статья была столь взвешенной, обстоятельной, аргументированной, что нам показалось: это и есть некий третий взгляд на Хренникова. Да, со знаком «плюс», но не панегирический – взгляд уже с новых, современных позиций.

Накануне столетия со дня рождения Тихона Николаевича мы встретились с Евгением, чтобы вновь прояснить некоторые вопросы, связанные со сложной и неоднозначной личностью Хренникова.

– Жень, кем все же, на ваш взгляд, был в большей степени Тихон Николаевич: композитором? руководителем?

– Да просто хорошим человеком, который и мне много добра сделал, и другим людям.

– Напомните обстоятельства вашего знакомства.

– Мне было 12 лет, я как раз в то время начал выступать с концертами. И вот директор моей школы, Гнесинской десятилетки, решил, что было бы хорошо показать меня Тихону Николаевичу. Эта встреча была организована: мы с моей учительницей Анной Павловной Кантор пришли к Тихону Николаевичу домой. Я ему тогда много играл и играл удачно. Хренников был очень доволен и потом пригласил нас остаться выпить чаю. Анна Павловна, конечно, застенялась: ну что вы, мы и так заняли ваше время, да и Женина мама во дворе ждет... Хренников в ответ: как мама ждет во дворе? почему мама ждет?! сейчас же привести маму сюда! Нашли маму, привели... Мы очень мило провели там время, и в последующие несколько лет много раз убеждались, какой это гостеприимный дом.

– Вадим Репин называл Хренникова дедушкой...

– Они общались гораздо больше и чаще... Для меня он был человеком, который во многом мне помог. Причем сразу же, с первой нашей встречи, он спросил у Анны Павловны, почему я такой бледный. Она объяснила, что мне каждый

день приходится тратить больше часа на езду в школу в одну сторону (в то время мы жили рядом с Варшавским шоссе, тогда еще не прорыли новую линию метро). Тихон Николаевич тут же записал для себя: приблизить! И через год с небольшим мы получили ордер на новую квартиру прямо рядом с метро Сокольники, из которой я стал добираться до школы максимум за полчаса! Это не всё. Во время переезда нам пришлось продать наш рояль – прекрасный салонный Бехштейн, потому что он не влезал в лифт нашего нового дома, не хватало каких-то двух сантиметров! И Хренников в течение нескольких лет давал мне бесплатно рояль напрокат. А, кроме того, благодаря хлопотам Тихона Николаевича наша семья стала отдыхать в Доме творчества композиторов в Рузе.

– Понятно, что после такого количества благ, которые появились в вашей жизни стараниями Тихона Николаевича, вы не можете не быть ему благодарны...

– Но это не просто «блага» – помощь Хренникова во многом изменила мою жизнь! Благодаря близости к центру, я стал чаще бывать на концертах, в том же Большом зале консерватории; в домах творчества, где, благодаря Хренникову, отдыхала наша семья, я общался с разными интересными людьми, знакомился с музыкой в тамошних библиотеках...

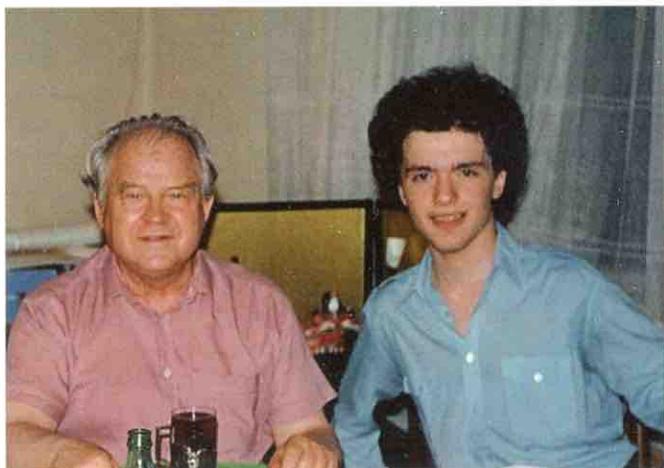
– Говоря о благах, я только хотела сказать, что вы, возможно, не совсем объективны в своей оценке Хренникова...

– В том-то и дело, что он помогал не только мне, но и многим другим людям! К сожалению, далеко не все об этом знают – часто это были люди не очень известные, и у них, наверное, даже не было возможности рассказать об этом публично.

– Можете привести конкретные примеры: кому и в чем помог Хренников?

– Во-первых, есть опубликованные данные. Петр Васильевич Меркурьев в своих воспоминаниях мимоходом говорит о том, что Хренников принял самое деятельное участие в деле освобождения квартиры реабилитированного Мейерхольда для того, чтобы сделать там музей. Причем Меркурьев в этом месте пишет: «Но это уже другая история – история в веренице (!) добрых дел, сделанных Хренниковым». Евгений Крылатов рассказывал в одном из интервью о том, как Хренников, его бывший учитель, помог ему с семьей получить квартиру в Москве, а до этого они в течение нескольких лет нелегально ютились по каким-то закоулкам: печное отопление, удобства на улице, боялись милиции... Замечательный композитор Алемдар Караманов, у которого были проблемы с советской властью из-за того, что он был верующим: Хренников тоже ему очень помог. Мне лично рассказывали в Рузе композиторы Михаил Меерович и Марк Мильман о страшных годах, когда Сталин развязал антисемитскую кампанию так называемой борьбы с безродными космополитами. Так вот Хренников, будучи главой Союза композиторов, помогал многим композиторам-евреям. А Меерович просто с благоговением говорил о Тихоне Николаевиче как о своем спасителе: он считал, что если бы не Хренников, то в то страшное время он бы просто погиб!

◀ Тихон Хренников и Евгений Кисин

– У многих осталось в памяти, как Хренников травил композиторов-авангардистов, в частности, здорово пропечатал их на Шестом съезде СК.

– Естественно, это осталось в памяти... Среди авангардистов было немало очень талантливых композиторов, и, конечно же, из-за той речи Хренникова у них возникли проблемы. Ну что ж, идеальных людей крайне мало – здесь дело в том, чего больше! Вот Хрущев сказал как-то за несколько лет до своей смерти: «Умру я, и положат люди на весы дела мои – на одну чашу дела худые, на другую – добрые. И добро перетянет!». По-моему, эти слова самым прямым образом относятся к Тихону Николаевичу Хренникову. И тут, несмотря на его речь на Шестом съезде и, может быть, на что-нибудь еще, добро явно перетягивает! И потом, что касается авангардистов... Все они разные. Тот же Шнитке, будучи человеком объективным, насколько я помню, считал нужным в своих интервью все-таки признавать заслуги Хренникова. Понимаете, как интересно получается: не только среди людей, связанных с Хренниковым, но даже среди тех, кто его не знал – как только заходит речь о Хренникове, они сразу: а он был хорошим человеком, многим помогал!

– Но как у нас любят говорить, «хороший человек» – это не профессия.

– Вы, наверное, хотите поговорить о творчестве Тихона Николаевича? Давайте!

– Давайте. Вот, например, как вы относитесь к тому, что на выпускном экзамене в консерватории, где молодой Хренников представлял свою Первую симфонию, Прокофьев поставил ему четверку, сказав, что не нашел в его музыке ничего нового?

– Ну что ж, по-видимому, по прокофьевским стандартам там действительно не было ничего нового. Хотя мне было очень интересно узнать, кому и за какие произведения Прокофьев ставил пятерки? Если вообще ставил?.. Кроме того, если уж говорить о Первой симфонии Хренникова, то нельзя забывать, что ее дирижировали такие великие музыканты, как Стоковский и Орманди. Естественно, они это делали не потому, что такой большой начальник их заставил! Да к тому же в те годы Тихон Николаевич вовсе не был большим начальником. На мой взгляд, это очень хорошая музыка, пусть и не прокофьевского уровня. Но, по-моему, Хренников сам никогда на такое не претендовал!

Кстати, не так давно, когда у меня было небольшое турне по США с Юрием Башметом, я ему сказал о Первой симфонии Хренникова. Он нашел ее на YouTube, послушал и ответил мне: спасибо большое, Женя, я обязательно включу эту симфонию в программу своего оркестра.

– Башмет действительно неоднократно исполнял Первую симфонию Хренникова, я слышала интервью, где он ее очень хвалил, но – хвалил весьма своеобразно: «в этой музыке все так ясно, так грамотно, так правильно»...

– У меня эта музыка вызывает, честно говоря, другие чувства и слова. Помню, когда я впервые ее услышал, то сразу почувствовал: это очень талантливо! Не прорыв, но талантливо!

– Я как раз подумала нечто подобное, когда недавно послушала запись Второго фортепианного концерта Хренникова в вашем исполнении.

– А я как раз думаю, что Второй концерт – не самая удачная часть творчества Хренникова. Естественно, после всего того, что Тихон Николаевич для меня сделал, я никак не мог ему отказать, когда он захотел, чтобы я играл его концерт. Но... это произведение было написано в начале 70-х годов, и к тому времени – во всяком случае, для меня – оно звучало эклектично, эта музыка, честно говоря, никогда меня не затрагивала. Вот если бы существовала обработка для двух фортепиано, скажем, его Второй симфонии, я непременно стал бы знакомить с нею своих друзей – хороших пианистов – и агитировать их, чтобы они исполнили ее вместе со мной! Знаете, как записал в своем дневнике Гольденвейзер по поводу одного понравившегося ему сочинения (правда, не Хренникова): волнует, трогает, захватывает. Вот о Второй симфонии я могу сказать эти же три слова. О Первой, пожалуй, не совсем: она не волнует и не трогает, но – захватывает!

– И все же никуда не денешься от соцреалистической эстетики, которую несла в себе музыка Хренникова...

– Между прочим, сам Тихон Николаевич не раз говорил, что он не понимает: что это такое – соцреализм в музыке?

– Нарочитая упрощенность, доступность массам...

– Типа «Песни о лесах» Шостаковича или «Широка страна моя родная» Дунаевского?

– Намекаете на то, что и Шостакович, и Дунаевский не были чужды этой же эстетике?

– Да нет, не в этом дело. Просто можно писать доступно и при этом талантливо. И здесь можно привести немало примеров из музыки великих композиторов. Другое дело, есть произведения более удачные, а есть – менее.

– Возвращаясь к фортепианному творчеству Хренникова... Как вы относитесь к Хренникову-пианисту?

– Замечательный был пианист! Я помню, он до последнего поддерживал очень хорошую пианистическую форму.

– Можете, как коллега, оценить его технику?

– Безусловно, могу. И не только технику. Если послушать, например, как он аккомпанирует Лемешеву свою песню «Как соловей о розе», слышно, каким он тонким был музыкантом.

– Песни Хренникова – особая статья. Нино Рота как-то сказал, что в Голливуде Хренников с его киномузыкой давно бы стал миллионером.

– Безусловно, стал бы! Взять хотя бы «Песенку пьяных», «Колыбельную Светланы», «Песню о Москве»... Да не только киномузыка! Те же «Московские окна» – когда я пересылаю запись этой песни моим европейским друзьям, она им очень нравится. Это просто музыка в песенном жанре самого высокого уровня!

– В своих интервью Хренников не раз говорил о том, что, узнав о назначении на пост председателя Союза композиторов, он очень расстроился: мол, руководящая работа мешает ему писать музыку. Вы в это верите?

– А почему нет? Мне кажется, что писать музыку для творческого человека, коим Хренников, безусловно, являлся, гораздо приятнее, чем заниматься административной работой. Ведь сначала он был просто композитором, и только потом стал руководителем Союза. С другой стороны (я знаю это по собственному опыту), у человека могут быть природные склонности к чему-либо, которых он сам в себе не за-

мечает – даже в течение многих лет! Когда Хренникова поставили руководителем, обнаружилось, что у него хорошие организаторские способности. Одно другого не исключает: можно писать музыку и быть хорошим организатором.

– В чем для вас состоит феномен Тихона Хренникова?

– Пожалуй, вот в чем: я не могу вспомнить никакого другого человека, о ком бы я так много плохого читал, условно говоря, в газетах и в то же время так много хорошего слышал от самых разных людей. Причем людей, столь же далеких от коммунизма, как и я – скажем так, от абсолютно нормальных антисоветчиков.

– Вы имеете в виду наши газеты?

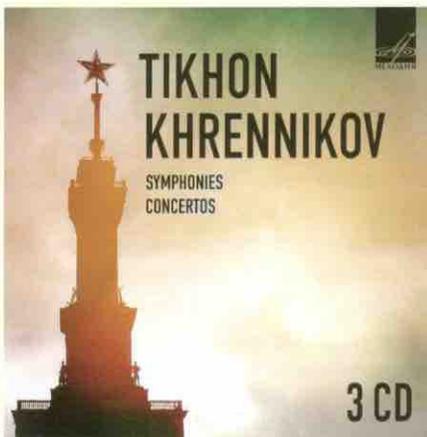
– И наши (особенно в начале перестройки), и, главным образом, западные СМИ. Потому что здесь очень многие до сих пор имя Хренникова ассоциируют, прежде всего, с зачитанной им разгромной речью на Первом съезде Союза композиторов в 1948 году, где говорилось много разных грубостей о Шостаковиче, Прокофьеве и других. Причем сейчас-то люди уже понимают, что Хренников не сам писал свою речь и в тех условиях не мог отказаться зачитать то, что ему велели зачитать, не рискуя при этом свободой, а, может быть, и жизнью – своей и своей семьи. И, тем не менее, такие ассоциации остаются: презренный сталинист, гонитель Прокофьева, Шостаковича. Но, между прочим, появляются и более объективные материалы, где авторы делают оговорку: мол, есть такое мнение, что Хренников сделал и много хорошего. Такого рода статья, я помню, вышла в респектабельном английском журнале «Экономист». А еще вскоре после смерти Тихона Николаевича некий молодой

музыкальный критик из Бостона пожелал взять у меня интервью для большой, подробной статьи о Хренникове, в которой, по его признанию, он хотел попытаться объективно осветить личность этого человека. И попытался! И пусть первая половина статьи получилась все же негативной, во второй автор задается вопросом: так что ж? вроде бы с Хренниковым все ясно? – нет, оказывается, далеко не все ясно. И дальше журналист начинает цитировать тех людей, в том числе и меня, которым было что хорошего сказать о Хренникове. Например, Щедрина, рассказавшего: «мне никогда особенно не нравилась музыка Хренникова, но он всегда подходил к своему рабочему телефону, когда люди ему звонили с разного рода просьбами, и он всегда старался помочь». Так что попытки разобраться делаются, в том числе, и на Западе. Умные люди более склонны стремиться докопаться до истины.

– Почему, на ваш взгляд, так редко звучит сегодня музыка Хренникова? Не играет ли здесь роль тот самый негативный ореол?

– В том-то и дело, что играет! Именно поэтому сейчас практически не исполняют его первые две симфонии, хотя – в тысячный раз говорю! – они, безусловно, заслуживают исполнения. Все это вызывает во мне, как в человеке, хорошо знавшем Тихона Николаевича, знавшем ему цену, боль от чувства несправедливости. Именно поэтому я написал и опубликовал в Интернете большую статью о нем. Но не сомневаюсь, что рано или поздно время всё расставит на свои места, и музыка Хренникова обязательно вернется к слушателям.

ДИСКИ

Тихон Хренников | Все симфонии и инструментальные концерты | Мелодия

Крайнева, Евгения Кисина, Максима Венгерова и другие.

Сейчас, в юбилейный сезон, некоторые из этих сочинений звучат вновь, но за его рамками они практически не исполняются. Справедливо ли это? Первый скрипичный концерт, несомненно, звучал трогательно в исполнении юного Вадима Репина и как нельзя лучше соответствовал темпераменту юного виртуоза, но сегодня кажется сочинением устаревшим и едва ли выдерживает конкуренцию с концертами Хиндемита или Шимановского. Второй концерт, также написанный для Леонида Когана, с первых же нот «цепляет» гораздо сильнее. Но почти все яркие его страницы звучат знакомо, напоминая то Прокофьева, то Шостаковича, а в финале причудливым образом сплетены отголоски Скрипичного концерта Чайковского и Девятой симфонии Шостаковича. Куда более сильное впечатление производят Первая и Вторая симфонии: это музыка, где настоящему мастерству сопутствует истинная свобода. Интерпретация Евгения Светланова вполне позволяет слушателю ощутить себя в концертном

зале, где обе симфонии вызвали бы более чем заслуженные овации. В Третьей симфонии автор, напротив, избегает помпезного финала, хотя не заметить влияния Прокофьева вновь невозможно.

Без виолончельных концертов Хренникова репертуар современных исполнителей теряет, кажется, немного, а вот в фортепианные следует вслушаться. За исключением Первого, во всех отношениях эффектного и не более того, они многослойны, полны загадок и заслуживают внимания. Эти сочинения войдут и в расширенный вариант юбилейного издания, которое готовит «Мелодия» уже на семи дисках: в него включены также опера «Безродный зять», сюиты из балетов «Гусарская баллада» и «Любовью за любовь», струнный квартет, соната для виолончели, пьесы для фортепиано, хоры, песни и арии из опер и оперетт. Изюминка этого комплекта – не издававшаяся прежде запись трех песен Хренникова для спектакля «Фуэте Овехуна», записанных автором в сопровождении эстрадного оркестра.

Илья ОВЧИННИКОВ

К столетию со дня рождения Тихона Хренникова «Мелодия» переиздала под одной обложкой его три симфонии, четыре фортепианных концерта, два скрипичных и два виолончельных. В свое время их исполняли лучшие музыканты нашей страны: к именам Евгения Светланова, Дмитрия Китаенко, Вадима Репина, Валентина Фейгина, Михаила Хомицера и самого автора, чьи интерпретации представлены в альбоме, можно добавить имена Валерия Гергиева, Леонида Когана, Мстислава Ростроповича, Владимира